

ный подход к бизнесу сохраняется скорее на крупных предприятиях и фирмах. Во-вторых, получается, что главным способом сокращения издержек становится увольнение сотрудников и сокращение затрат на рабочую силу. При этом административно и законодательно социаль-

ные льготы легче свернуть (особенно те, что предоставляются на добровольной основе), чем уменьшить заработную плату. Более того, представители бизнеса все чаще поднимают вопрос о необходимости либерализации трудового законодательства и снижения налогов на бизнес.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.С. Ржаницына

Институт экономики РАН, Москва

Кризисные явления, социальная политика и социальная наука

Начну с того, что кризис все-таки есть! Хотя многие говорят, что его нет. Вы заметили, кто является самым заинтересованным лицом в суждениях о кризисе? Предприниматель, причем вполне ответственный. У некоторых, особенно у тех, кто остро воспринимает социальные цели общества, – даже паническое настроение. Почему? Мне это понятно. Ведь они сосуществуют со слоем, который сильно пострадал во время кризиса, – это их работники, прежде всего работники с детьми. В бизнесе есть люди, которые понимают, что главное – население, причем экономически активное. И хотя наука нашим бизнесменам говорит: да вы не волнуйтесь, у вас будут киргизы, китайцы и прочие гастарбайтеры, – они почему-то все-таки волнуются и на своих предприятиях хотят иметь дело с русским персоналом.

Еще один ответ на этот вопрос следует из бюджета 2010 г. Все слышали заверения правительства в том, что будут соблюдены все социальные обязательства. Но в консолидированном бюджете РФ, бюджете федеральном и бюджетах регионов сокращаются все затраты на услуги (образование, здравоохранение, культура, социальное обслуживание). А разве не они являются социальными обязательствами власти? По нашим расчетам, к примеру, из всех расходов бюджета в пользу детей в Москве 86% составляют бесплатные услуги и только 14% – денежные выплаты. Представьте, как повлияет на уровень жизни детей и их родителей сокращение именно бесплатных государственных услуг. А именно это, похоже, грозит в связи с объявленной реформой бюджетных учреждений.

Но этого мало. В составе денежных выплат правительство с 2010 г. не субсидирует самого распространенного детского пособия – ежемесячное для малообеспеченных. Послед-

ствия, в частности, покажем на примере Дагестана и Якутии: центр выплачивал семьям по 90 руб. на ребенка. Теперь деньги должны найти сами субъекты федерации, что весьма сложно при современном дефиците региональных бюджетов. Причем детская бедность нарастает, в ее зону попадают и семьи безработных, число которых выросло на глазах, и работников, кто перестал получать заработную плату или получает ее меньше, чем до кризиса. Как свидетельствуют данные Росстата, в 2009 г. реальная заработная плата сократилась на 2,3%.

Мне могут возразить: объектом социальной политики сейчас являются не дети, а пенсионеры. Почему же бросили детей и взялись за пенсионеров? Опять видно: наша социальная политика напоминает «русские горки»: «Ух, чего-то такое придумали и подарили, а потом, ух, и отобрали!» В 2006–2007 гг. вспомнили про демографию и сказали: вот сейчас поднимем пособия, введем материнский капитал. А пока о детях и демографической угрозе забыли, что крайне неперспективно. Поэтому мы просим продолжить детскую политику, хотя бы с учетом кризисной ситуации и для снижения остроты известных проблем: и по демографии немножко, и по заработной плате немножко, и в отношении бедности немножко, чтоб не затормозить наметившиеся тенденции повышения рождаемости, роста экономической активности, поддержать неимущих и пр.

Например, разумно было бы продлить оплату женщинам послеродового отпуска до трех лет. Не хотите это делать постоянно, давайте введем временно. Возьмем и напишем в законе: «На период кризисной ситуации мы женщинам с детьми предлагаем либо рабочее место, либо будем что-то платить». Таким образом, снизим давление свободной женской рабочей силы на безработицу, поддержим уро-

вень жизни молодых семей и их репродуктивные установки (даже в Москве 40% занятых не могут содержать ребенка на уровне первичного достатка), уменьшив очередь в детские сады, имя которой миллион. Все эти меры позволяют поддержать экономически активное население – семьи, способные обеспечить себя сами.

Рассуждая о социальной политике, важно правильно определить приоритеты, которые работают в данном направлении. У нас же, к сожалению, один приоритет – бедность, что, вообще говоря, не вопрос социальной политики, а, скорее, социальной благотворительности. Последняя, конечно, обязанность цивилизованного государства, чтобы хромые, нищие, больные, люди в тяжелой жизненной ситуации получали какое-то вспомоществование, чтобы на улице у нас не валялись бомжи. Но собственно *социальная политика требует выбора приоритета в пользу экономического развития, в пользу населения – производителя продукта, услуг, доходов, налогов и, следовательно, в пользу создателя благополучия общества в целом.* Поэтому даже на фоне кризиса надо продолжить улучшать положение работающего человека, т.е. главного экономического субъекта во всех аспектах – занятость, справедливая заработная плата, преодоление экономической бедности, меры стимулирования рождаемости с учетом обеих функций семьи – профессиональной и родительской и т.п.

Итак, что бы хотелось сделать?

Во-первых, предложить социальные меры, которые дают множественный эффект, что не просто.

Во-вторых, наконец, договориться о принципиальных, глобальных вещах, хотя бы в науке, чтобы какие-то принципы, модели, схемы представлялись позитивными вначале научному сообществу, а затем и власти. Основоположающая позиция – долой волюнтаризм, вкусовщину, личные пристрастия, гимназические выдумки на уровне бытовых знаний о социальных процессах (каждый получает заработную плату, дети ходят в сад, школу, бабушка получает пенсию, платим квартирную плату и т.п., – какая уж тут наука!). И когда начнется реальное применение научных знаний, тогда в России не будут, как наблюдается сейчас, вначале отменять страхование, потом вновь вводить, но уже с жертвами, негативными последствиями и прочими страстями.

В-третьих, необходимо переходить от абстрактных конкретных дел. Если мы останемся на уровне разговоров, теоретизирования и т.д., ничего позитивного создать не получится, включая уважение к науке. Об этом ныне масса свидетельств. Так, у нас постоянно говорится

о социальной защите. Но по сути ее нет, не с точки зрения отсутствия неких расходов, а с точки зрения того, как эти расходы производятся. Поясню: в США человек, который занимается социальным обслуживанием, садится утром в автомобиль и посещает своих подопечных, выясняет, что у них произошло за день, – очень живая, конкретная работа. Мы же колоссальный аппарат посадили в учреждения, которые занимаются только тем, что распределяют пособия приходящим к ним людям. Все. Социальных чиновников совершенно не интересует, что происходит с их подопечными. В их обязанность входит простая финансовая операция в финансовой организации. Этот упор на финансовую составляющую всего нашего социального управления, конечно, не вполне хорош. Денег немного. Все помнят проблему нефинансируемых социальных мандатов, которую пришлось в 2004 г. сбросить на уровень регионов, – пусть они решают, как могут и как хотят. И в 2010 г. опять наступаем на те же грабли, лишая регионы налоговых источников на социальные цели, как будто забыли, что социальное есть часть экономического.

В-четвертых, много лет занимаясь социальной политикой, я понимаю, что за 250 лет, на протяжении которых капитализм приобрел человеческое лицо, он нарабатал много техник и технологий, которыми надо бы воспользоваться. Не придумывать вновь, а попытаться грамотно заимствовать, посмотреть, что там есть и насколько адаптируется к нашим условиям. Ведь его история это по сути колоссальный социальный пилотный проект с известными результатами. Надо только посмотреть, что у них получилось, а что не получилось, может быть, чем-то можно и воспользоваться. В том числе перейти, например, к социальному сопровождению семей как способу установления реальной связи между государством, капиталом и людьми.

В-пятых, имеют ли социальные затраты эффект. Большой вопрос. Например, когда говорим о затратах на скрининг беременных, потом экономим на детях-инвалидах, на лечении, здесь 1 рубль затрат дает 400% эффекта. Или проблема алкоголизма. Я считала, если собрать все расходы: тюрьму, в которую 80% попадают за преступление в состоянии алкогольного опьянения; больных детишек, зачатых родителями в пьяном виде; травмы на дорогах, отравления, – и все это посчитать, получается, что каждый рубль, вложенный в профилактику, скромно дает 18 рублей снижения потерь ВВП. Цифра огромна, и в США каждый год Конгрессу предоставляется доклад о положении нации в плане потребления и послед-

ствий злоупотреблений алкоголем. Не считают они алкоголизм мелким делом.

Отсюда должно говорить об эффекте социальной политики. Конечно, эффект этот – не моментальная коммерческая прибыль, он возникнет за длительный период, и скорее всего

в форме снижения потерь ВВП и экономии бюджета. Но, как известно, развитие не измеряется сегодняшним днем, оно разворачивается в перспективе. Если научиться определять экономический эффект социальных программ, то легче будет убедить тех, кто принимает по ним решения.

Поступила в редакцию 23 мая 2010 г.

Л.С. Дегтярь

ИЭ РАН, Москва

Социальное измерение кризиса: мировой опыт

Среди непосредственных социальных последствий экономического кризиса первое место в мире занимает рост безработицы. Экономическое оживление не сопровождается соответствующим увеличением занятости, восстановление ее уровня идет крайне медленно. В странах ОЭСР уровень безработицы приблизился к 9% экономически активного населения – максимальный показатель для всей послевоенной эпохи, при этом доходы более трети семей, где есть безработные, опускаются ниже черты бедности. И это происходит несмотря на масштабные государственные программы по поддержанию занятости: из 30 государств ОЭСР 23 страны в условиях кризиса приняли программы профессиональной переподготовки, 20 стран – программы стимулирования краткосрочной занятости.

Кризис обусловил также снижение уровня доходов и потребления в развитых странах, расширение масштабов нищеты во многих развивающихся государствах, что объективно потребовало усиления социальных механизмов государственного перераспределения доходов в пользу наиболее уязвимых слоев населения. Был нанесен серьезный удар и по пенсионным накоплениям в развитых странах. По расчетам консалтинговой компании «McKinsey», частные пенсионные фонды потеряли в среднем 18% своей капитализации.

Бедные страны столкнулись с трудностями в закупках продовольствия и с сокращением программ международной помощи. И, наконец, рост государственных расходов в связи с резким увеличением средств, направляемых на борьбу с кризисом и содержанием растущего числа безработных, обусловил значительное увеличение размеров государственного долга и наращивание дефицита бюджета, что потребует сокращения государственных, в том числе и социальных, расходов уже в ближайшей перспективе. Как отмечалось на Всемирном экономическом

форуме «Давос-2010», проблемы, связанные с растущей безработицей и государственными финансами, могут привести к перерастанию финансово-экономического кризиса в кризис социальный. Греческая ситуация, положение дел в Испании и Португалии превращают такой прогноз в очень вероятную реальность.

Хотя кризис не внес существенных качественных изменений в содержание существующих социальных проблем и сложившиеся модели социальной защиты, он ускорил мировоззренческие изменения, актуализировал циркуляцию идей вокруг направлений становления новой парадигмы общественного бытия, в том числе перспектив «государства всеобщего благосостояния». Главными факторами, определяющими теоретические концепции и практические действия в решении социальных проблем, по-прежнему остаются: экология, демография и глобализация. Обострение конкурентной борьбы за ресурсы наряду с демографическими проблемами (старение населения, диспропорции в темпах его роста по регионам мира, миграция) снижает возможности государства в сохранении высокого уровня социальных расходов, хотя потребность в них не уменьшается.

Заметными тенденциями стали становление, укрепление и усиление влияния азиатской авторитарной социально-экономической модели с новыми для мира качествами и характеристиками. Глобализация приобрела новое измерение, она охватила идеологическую и информационную сферы, усилилось взаимопроникновение идей и знаний. Глобальными стали и многие социальные проблемы. Объективные процессы и до кризиса требовали изменение качественных характеристик сложившихся социальных моделей.

В последние тридцать лет, несмотря на специфику отдельных стран, общими для всех направлениями модернизации социальной